

*Посвящается
Джайлсу,
а также
памяти Оранжевого Ральфа
и Фредди Кугуара,
благороднейших ассасинов,
котов без страха и упрека*

Замыкая цепь

В МАЕ 1995-ГО ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВАНТАМ BOOKS» выпустило книгу «Ученик убийцы», фэнтезийный роман относительно нового автора — Робин Хобб. С того дня миновало более двадцати лет, и за этот срок в моей жизни случились огромные перемены. Моя работа над «Учеником убийцы» проходила под звучащий в гостиной саундтрек диснеевского мультфильма «Красавица и Чудовище», которым был одержим двухлетний малыш, и голоса подростков, игравших на кухне в «Dungeons & Dragons». Сейчас в доме нет детей, разве что иногда гостят внуки, новое поколение подростков.

Черновую версию «Ученика убийцы» я набирала на моем первом компьютере «Каурго», а кабинетом мне служил угол в прачечной комнате. Сейчас у меня мощный десктоп индивидуальной сборки, ноутбук и планшет для мелких задач.

За эти двадцать пять лет Робин Хобб написала свыше двух десятков романов и коротких произведений. История Фитца, которая изначально задумывалась всего лишь как трилогия, растянулась на шестнадцать книг. Эти книги, изданные на двадцати двух языках, находят своих читателей по всему миру, выигрывают литературные премии и попадают в первые строчки списков бестселлеров. Сказать по правде, такие успехи по-прежнему малость шокируют Мэган Линдхольм.

Но как бы ни было все это восхитительно, для меня куда важнее реакция читателей. У Фитца и Шута есть пылкие по-

клонники. Я получаю от них не только электронную почту, но и настоящие письма, и открытки: рукописный текст, штампы разных государств. Странно себя ощущаешь, когда приходят такие послания или когда раздача автографов сопровождается короткими, но многозначительными диалогами: читатель делится впечатлениями и рассказывает, каким образом были восприняты им мои герои и сюжеты. Я обсуждала этот феномен с другими писателями. Когда оно к вам приходит (под «оно» я подразумеваю музу, вдохновение, идею), процесс написания книги сносит рамки тщательно разработанного сюжета и количества необходимых персонажей. Фабула покидает берега и торит собственное русло в долине фантазии.

И в эту реку писатель погружается с головой. Я не помню, как работала над эпизодами и главами, но помню, как беседовала с Фитцем на заснеженном верху башни, помню тепло и звуки в освещенной фонарем конюшне. Я вдыхала ароматы Женского сада и ловила ироничные оттенки в смехе Фитца.

А бывает, что и читатель погружается. Когда я общаюсь с такими людьми, мы не обсуждаем то или иное слово на той или иной странице. Мы вспоминаем знакомых героев и приключения, которые разделили с ними. Персонажи (не только Фитц и Шут, но и Чейд и Баррич, Молли и Регал) становятся живыми. Мы видим их лица и явственно слышим их голоса. Читатели взбираются на обдуваемые ветрами утесы близ Баккипа, стучат зубами в неотапливаемом Большом зале Шрюда, уворачиваются от паутины в шпионских тоннелях, укрытых в толстых каменных стенах.

Эта привязанность к героям и сюжетам находит отражение в реальной жизни читателей. Мне присылали снимки собак, кошек, попугаев и даже детей, названных в честь персонажей. Я видела восхитительный косплей моих героев, добравшийся аж до Тайваня и Австралии. Стены моего дома увешаны фан-артом: сродняясь с моими книгами, читатели привносят в них собственное творчество. И я пони-

маю, что означают такие вещи. Это связь между нами; это цепь, соединившая автора, читателя и героя. Я понимаю, потому что сама была читательницей и посылала письма и мелкие подарки автору, с которым никогда не встречалась лично. Мне хотелось уведомить автора о том, что я знакома с его героями, что они стали моими друзьями, что я не просто его книгу прочла — я поделила с ним жизнь.

Много-много лет назад, задолго до начала моей собственной писательской карьеры, я отправила страстное письмо Фрицу Лейберу, одному из моих любимых авторов. Он написал книгу, в которой самым роковым образом изменил судьбу и возможности главного героя. К этому персонажу многих ранее вышедших книг я успела прикипеть душой, и такой поворот меня ужасно расстроил. Разве может автор столь жестоко поступать с героем, которому он явно благоволит? Мистер Лейбер нашел время, чтобы ответить мне; судя по каракулям, писать от руки ему было мучительно трудно. Он объяснил, что герои должны на своем пути встречать препятствия. Им необходимо расти, мужать. И если счастливый конец книги — это всего лишь возвращение в ее начало, то зачем вообще нужно было ее писать?

Это была правда, и я рада, что мистер Лейбер открыл мне глаза на нее. Обдумав уже написанные к тому времени вещи, я осознала, что слишком берегла моих героев. С ними что-нибудь случалось, да, но на их судьбах это не сказывалось радикальным образом.

И я заново начала роман, над которым работала в то время. Я позволила жизни влиять на судьбы персонажей. И это была моя первая книга, увидевшая свет: «Полет гарпии», автор — Мэган Линдхольм.

Мистер Лейбер замкнул цепь «автор — книга — читатель». Тем самым он дал мне то, чего не хватало, чтобы мои произведения тоже доходили до читателей. Надеюсь, читатели переживают то же, что пережила я, когда следуют за Фитцем сквозь события, описанные в «Мире Элдерлингов». За четверть века Фитц из растерянного пятилетнего маль-

чишки вырос в искусного убийцу, а в шестьдесят лет это умудренный опытом муж. В его жизни появлялись и исчезали друзья и попутчики. Были тяготы и одиночество, но порой он обретал душевный мир и уверенность в себе.

Из книги в книгу мы с читателями странствовали вместе с Фитцем. Разделяли его потери, радовались его славе и удаче. А в 2017-м вышла «Судьба убийцы», завершающая сагу. Читатели спрашивали, каково это было — писать последнюю страницу. У меня только один ответ: неизбежно. С начала работы над романом и до того дня, когда первая рукопись загрузилась в принтер, я знала, каков будет финал. Судьба героя — это река со своим норвом, нельзя без конца менять ее русло.

Если вы еще не бывали в Мире Элдерлингов, добро пожаловать. А если это не первое путешествие, спасибо за то, что вы снова решили погрузиться в реальность Фитца. В любом случае, надеюсь, вам доставит удовольствие специальное издание «Ученика убийцы». Я была на седьмом небе, когда Магали Вильнёв согласилась проиллюстрировать эту книгу. Необычным образом меня с Магали познакомил Фитц: посетив с книжным туром Францию, я впервые увидела ее картины на выставке и получила возможность с ней побеседовать. Я храню как сокровище карандашный портрет Фитца Чивэла, полученный в подарок вместе с ее «A Journey Through Illustrations» (2015). Это экземпляр номер один из пятисот! Годами я любовалась ее картинами, даже не смея надеяться, что однажды очередное издание «Ученика убийцы» украсится изображениями не только Фитца, но и Баррича, и Молли, и Чейда, и многих других персонажей, облеченных в плоть и кровь силой ее таланта.

Но больше всего я благодарна вам всем за то, что в вашем сердце нашелся уголок для моих героев.

Ученик убийцы

Глава

I

Предыстория

История Шести Герцогств неразрывно связана с историей правящей династии Видящих.

Повествование об этой семье следовало бы начать с времен стародавних, задолго до основания Первого герцогства. Если бы до нас дошли имена дальних предков наших королей, мы знали бы, как звали тех пиратов, что совершали разбойничьи набеги и грабили побережье, где земли были не столь бесплодными и неприветливыми, как обледенелые скалы их родины — Внешних островов.

Но история не сохранила их имен.

Что же до первого настоящего короля, то и о нем известно не много — только как его звали и несколько странных легенд. Тэйкер Завоеватель — таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры.

В народе верят, что эти имена присваиваются новорожденным посредством магического обряда и после этого королевские отпрыски не в силах изменить уготованную им стезю.

От роду детям-избранникам предначертано не бояться ни огня, ни воды, ни студеного ветра.

*Так говорят. Красивая сказка.
Возможно, когда-то и впрямь при наречении
отправляли магические обряды. Но достаточно
заглянуть в исторические хроники, чтобы понять:
имя, данное при рождении, далеко не всегда
определяет всю дальнейшую судьбу человека.*

МОЕ ПЕРО ДРОЖИТ, ПОТОМ ВЫПАДАЕТ ИЗ РУК, оставляя извилистый след на бумаге Федврена. Испорчен еще один драгоценный лист. Впрочем, наверное, эта попытка все равно была обречена на провал, как все предыдущие. Не знаю, смогу ли я закончить свой труд или каждая страница будет пропитана жгучей горечью, ядом, который, как мне казалось, давно выветрился. Я полагал, что излечился от гнева и ненависти, но стоит мне взяться за перо, как боль и обида мальчика сочатся на бумагу вместе с чернилами, пока мне не начинает казаться, что каждая аккуратная черная буква берedit старую незаживающую рану.

И Федврэн, и Пейшенс весьма воодушевились идеей написания истории Шести Герцогств. Было решено, что попробовать стоит, попытка не пытка, лишь бы у меня хватило сил. Работа отвлечет меня, поможет занять время, и я забуду о горечи и боли. Я позволил убедить себя, что так оно и будет. Но каждое историческое событие, которого я касаюсь в своей рукописи, только пробуждает к жизни мрачные тени моего одиночества и потерь. Боюсь, мне придется отложить эту работу, иначе она воскресит все то, что сделало меня тем, кто я есть теперь. Я начинаю снова и снова, но каждый раз обнаруживаю, что пишу скорее о собственных истоках, чем об истоках этой земли. Не знаю даже, кому я пытаюсь объяснить себя. Моя жизнь была паутиной тайн, тайн, которые даже сейчас небезопасно поверять бумаге.

Стоит ли писать о них только для того, чтобы превратить в пламя и пепел? Кто знает...

Я помню себя с шести лет. До этого не было ничего — только пропасть, которую я не могу преодолеть, как бы сильно ни напрягал память. Ранее того дня в Мунсее нет ничего. Зато все, что происходило потом, я помню с удивительной отчетливостью. Иногда мои воспоминания настолько подробны, что я даже начинаю задумываться, мне ли они принадлежат. Были ли все эти события запечатлены в моей собственной памяти или же картины прошлого складываются у меня из рассказов кухонной прислуги и несметного множества мальчишек-грумов, объяснявших друг другу мое появление? Возможно, я слышал эту историю так часто и из стольких источников, что теперь вызываю ее в памяти как собственные воспоминания? Может быть, эти подробности — результат открытого восприятия шестилетнего мальчугана? Или это шутит со мной яркое покрывало Силы и снадобий, которые приходится принимать, чтобы контролировать свою привычку к ней, — снадобий, которые сами по себе вызывают боль и привыкание? Все может быть. Остается надеяться, что дело все-таки не в снадобьях.

Воспоминание столь яркое, что я будто снова вижу и чувствую все это: холодные сумерки уходящего дня, безжалостный дождь, под которым я вымок до нитки, ледяной булыжник причудливых городских улиц и даже мозолистую грубость огромной руки, сжимающей мою ладошку. Иногда я думаю об этой руке. Она была твердая и шершавая и крепко стискивала мою ладонь, и все же она казалась мне теплой и незлой. Просто сильной. Она не давала мне упасть, когда я поскальзывался на обледеневших улицах, но не давала и избежать уготованной участи. Она была беспощадной, как холодный серый дождь, покрывавший ледяной глазурью исхоженную, засыпанную гравием дорожку перед огромной деревянной дверью массивного здания, которое возвышалось в центре города, как настоящая крепость.

Двери были высокие — даже для взрослого, не говоря о шестилетнем мальчишке. Великан мог бы войти в них, не нагибаясь, а широкоплечий крепыш, который башней возвышался рядом со мной, казался на пороге этих дверей просто карликом. И мне, шестилетнему, они были удивительны, хотя я и не помню, как выглядели двери, которые были привычными для меня в раннем, забытом ныне детстве. Деревянные резные двери, обитые железом, украшенные головой оленя и сверкающим дверным молотком, не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Я вспоминаю, что одежда моя промокла, а ноги превратились в ледышки. И тем не менее я не помню ни того, как долго шел по размокшей слякоти уходящей зимы, ни того, что меня несли на руках. Нет. Все начинается здесь, на пороге каменного укрепленного дома: мы стоим на крыльце, и моя маленькая рука крепко стиснута в ладони высокого человека.

Почти как начало кукольного представления. Да, именно так это видится мне. Занавес поднялся, и мы оказались перед огромной дверью. Старик, что держал меня за руку, поднял медный молоток и обрушил его на железную пластину — один удар, второй, третий. Металл откликнулся гулким звоном. И потом раздался голос — не из дверей, а сзади, там, откуда мы пришли.

— Отец, прошу тебя... — молила женщина.

Я обернулся, чтобы посмотреть на говорящую, но снова пошел снег, кружевной завесой он цеплялся к ресницам и укутывал рукава. Не могу вспомнить, разглядел ли я кого-нибудь, но уверен, что не пытался вырваться от этого старика и не звал мать. Я просто стоял и смотрел, словно зритель на кукольном представлении, и слышал стук сапог в доме и скрип отодвигаемого засова.

Она предприняла еще одну, последнюю, попытку. Я до сих пор отчетливо слышу ее слова и отчаяние в голосе, который теперь показался бы мне молодым.

— Отец, пожалуйста, умоляю тебя!

Рука, державшая меня, задрожала — от ярости или от чего-то другого, я этого никогда не узнаю. С быстротой, с какой черный ворон хватается ломоть упавшего хлеба, старик наклонился и поднял кусок грязного льда. Не говоря ни слова, он с яростью швырнул его в темноту, и я съежился от страха. Я не помню ни крика, ни звука удара. В моей памяти осталось лишь то, как двери распахнулись наружу и старик поспешно отступил, волоча меня за собой.

И это все. Человек, открывший дверь, не был слугой, как я мог бы вообразить, если бы слышал эту историю из чужих уст. Нет, моя память сохранила не какого-то вышколенного слугу, а солдата, старого кавалериста, слегка поседевшего и с животом, затвердевшим скорее от жира, чем от большого количества натренированных мышц. Он оглядел нас с ног до головы с привычной солдатской подозрительностью и молча стоял, ожидая, что мы изложим наше дело.

Думаю, старик немного растерялся от такого приема, но вместо страха в нем вдруг вспыхнула злоба. Он бросил мою руку, схватил меня за шиворот и протянул вперед, как щенка, которого предлагают новому владельцу.

— Я принес мальчишку вам, — прохрипел он.

Привратник продолжал молча смотреть на него, не выказывая ни осуждения, ни даже интереса, и старик продолжал:

— Шесть лет кормил его как родного и не получил от его отца ни слова благодарности, ни одной монетки. Он даже ни разу не навестил нас, хотя моя дочь обмолвилась — он знает, что сделал этого ублюдка. Я не желаю больше кормить мальчишку и гнуть спину за плугом, чтобы наскрести ему на одежонку. Пусть его кормит тот, кто его сделал. У меня хватает своих забот, моя жена стареет, да еще я должен содержать и кормить мамашу вот этого. Потому что ни один мужчина ее не захочет, ни один — когда за подол ее цепляется этот щенок. Так что забирайте его и отдайте отцу.

И он выпустил меня так внезапно, что я упал и растянулся на каменной ступеньке у ног стражника. Я сел, потому

что, насколько помню, не очень сильно ушибся, и поднял глаза, чтобы посмотреть, что произойдет дальше между этими двумя людьми. Стражник поджал губы, глянул вниз — не осуждая, а просто соображая, как со мной быть.

— Так чей он? — спросил он, и чувствовалось, что этот вопрос задается не из любопытства, а для того чтобы выяснить, в чем дело, а потом доложить хозяину.

— Чивэла, — сказал старик. Он повернулся ко мне спиной и размеренным шагом двинулся прочь по покрытой гравием дорожке. — Принца Чивэла. — И, не оглядываясь, добавил: — Того, который как раз и есть будущий король. Который его сделал. Пусть заботится о нем да радуется, что умудрился хоть где-то зачать ребенка.

Стражник проводил старика взглядом, потом, не сказав ни слова, наклонился, схватил меня за воротник и оттащил в сторону, чтобы я не мешал ему закрыть дверь. Он отпустил меня на то недолгое время, которое ему потребовалось, чтобы задвинуть засов. Сделав это, он остановился, глядя на меня сверху вниз. Никакого удивления, только солдатская готовность принимать все, даже самые странные стороны своей работы.

— Поднимайся, парень, и пойдем со мной, — сказал он.

И я пошел за ним по темному коридору мимо скудно обставленных комнат, окна которых все еще были защищены ставнями от зимнего холода, к еще одним закрытым дверям из роскошного дерева, украшенным резьбой. Тут он остановился и быстро оправил одежду. Ясно помню, как он встал на одно колено, чтобы одернуть мою рубашку и пригладить мне волосы, но сделал он это по доброте душевной или просто хотел привести доверенную ему посылку в надлежащий вид — я никогда не узнаю. Он снова встал и один раз стукнул по двустворчатым дверям. Постучав, стражник не стал ждать ответа, — по крайней мере, я ничего не слышал. Он толчком распахнул двери, провел меня внутрь и закрыл за собой тяжелые створки.

После стильного коридора комната показалась мне очень теплой. И в отличие от пустых комнат, которые мы миновали по пути сюда, она выглядела обжитой. Я вспоминаю висевшие на стенах ковры и портьеры, а еще — полки с табличками и свитками, наваленными в беспорядке, без которого не обходится ни одно уютное жилье. В огромном камине горел огонь, наполняя комнату теплом и приятным смолистым запахом. У очага, чуть наискось, стоял необъятный стол, а за ним сидел крепкий человек, склонившийся над грудой бумаг. Брови его были нахмурены. Он не сразу поднял глаза, и некоторое время я мог видеть только копну спутанных темных волос.

Когда он посмотрел на меня, то, казалось, одним быстрым взглядом черных глаз охватил и меня, и стражника.

— Ну, Джейсон? — спросил он. Несмотря на нежный возраст, я различил в его голосе стоическое терпение — его работу грубо прервали, и тут уж ничего не поделаешь. — В чем дело?

Стражник легонько подтолкнул меня вперед, и я примерно на фут придвинулся к сидящему человеку.

— Старый пахарь его оставил, принц Верити, сир. Сказал, стало быть, что это бастард принца Чивэла.

Несколько мгновений усталый человек за столом продолжал разглядывать меня с некоторым смущением. Потом нечто похожее на удивленно-веселую улыбку осветило его лицо, он встал, обошел вокруг стола и остановился рядом со мной, уперев кулаки в бедра и глядя на меня сверху вниз. Я не почувствовал угрозы в этом пристальном взгляде — скорее мне показалось, что нечто в моей наружности ему до крайности понравилось. Я с любопытством смотрел на него. У принца была короткая черная борода, встопорщенная и лохматая, как и его шевелюра, обветренные щеки, грудь, похожая на бочку, и широкие плечи, натянувшие ткань рубашки. Его квадратные кулаки были покрыты пятнами и царапинами, но тем не менее пальцы правой руки были в чер-

нилах. Он смотрел на меня, удивленно подняв густые брови, его улыбка делалась все шире, и наконец он весело фыркнул и заявил:

— Будь я проклят, паренек действительно похож на Чива, верно? Эда Плодородная, кто бы мог ждать такого от моего добродетельного братца!

Стражник ничего не ответил. Впрочем, никто и не ждал от него ответа. Он продолжал стоять в ожидании дальнейших распоряжений. Настоящий солдат, до мозга костей.

Чернобородый продолжал с интересом меня рассматривать.

— Сколько лет? — спросил он стражника.

— Тот пахарь сказал, стало быть, шесть. — Он собрался было почесать щеку, но потом, очевидно, вспомнил, что находится при исполнении служебных обязанностей, опустил руку и добавил: — Сир.

Принц, похоже, не заметил нарушения дисциплины. Его темные глаза продолжали меня осматривать, и веселое удивление становилось все заметнее.

— Значит, дело было примерно семь лет назад. Ведь какое-то время понадобилось, чтобы живот мамыши подрос. Черт возьми! Да. Это был первый год, когда чьюрда пытались закрыть проход. А Чивэл добивался, чтобы его открыли. Гонялся за ними три или четыре месяца. Похоже — не только за ними. Черт возьми! Кто бы мог подумать? — Он помолчал и внезапно спросил: — Кто мать?

Переминаясь с ноги на ногу, стражник буркнул:

— Так... это... кто же ее знает, сир. Там только и был этот старый пахарь, и он сказал, что вон этот вот — бастард принца Чивэла и что он, пахарь то бишь, не хочет мальчишку кормить и одевать не хочет. Дескать, кто его сделал, тот пускай о нем и заботится.

Принц пожал плечами, как будто это не имело никакого значения.

— Мальчишка выглядит ухоженным. Через неделю — в крайнем случае через две — мать будет топтаться у кухон-

ных дверей и скулить, что скучает без своего щенка. Тогда я узнаю — если не раньше. Ну, мальчик, как тебя зовут?

Его камзол был застегнут затейливой пряжкой в виде головы оленя. В свете колеблющегося пламени она казалась то медной, то золотой, то красной.

— Мальчик, — ответил я.

Не знаю, просто ли я повторил то, что говорили он и стражник, или у меня действительно не было другого имени. Принц вроде бы удивился, и что-то вроде жалости мелькнуло на его лице. Впрочем, так же быстро оба эти чувства исчезли, уступив место смущению или просто раздражению. Он оглянулся на карту, которая все еще ждала его на столе.

— Ладно, — сказал он. — Надо его как-то опорядить, по крайней мере до тех пор, пока не вернется Чив. Джейсон, проследи, чтобы мальчишку накормили и нашли место, где спать, — хотя бы на сегодняшнюю ночь. Я пока прикину, что с ним делать завтра. Нельзя, чтобы королевские заугольши бродили по всей стране.

— Сир, — сказал Джейсон ровным тоном, в котором не прозвучало согласия или несогласия: солдат просто принял распоряжение.

Он положил мне на плечо тяжелую руку и развернул меня назад к двери. Я пошел немного неохотно, потому что в комнате было тепло и светло. Замерзшие ноги начало покалывать, и я понял, что если бы мне разрешили погреться еще немного, то я оттаял бы весь. Но рука стражника непреклонно сжимала мое плечо, и меня вывели из теплой комнаты в холодные сумерки мрачных коридоров.

После тепла и света они казались еще более темными и бесконечными, пока я семенил рядом со стражником, стараясь поспевать за его широким шагом. Может быть, я хныкал, а может, моя медлительность ему наскучила, но внезапно он остановился, схватил меня, поднял как пушинку и посадил себе на плечи.

— Щенок ты сопливый, — проворчал он беззлобно и понес меня дальше по коридорам и ступенькам, все дальше и дальше, навстречу желтому свету огромной кухни.

Там на скамейках сидели развалясь полдюжины других стражников и ели и пили за большим щербатым столом, стоявшим у огня, — стол этот был почти вдвое больше того, что в кабинете. В кухне пахло едой, пивом, мужским потом, мокрой шерстяной одеждой и дымом от капающего в огонь жира. Вдоль стены рядами стояли свиные головы и маленькие бочонки, с балок свисали темные куски копченого мяса. По столу звякали миски. С куска мяса, крутившегося на вертеле, на камни очага стекал жир. Я уловил его восхитительный аромат, и желудок мой болезненно сжался. Джейсон грубо посадил меня к углу стола, ближайшему к огню, и подтолкнул локтем человека, лицо которого было скрыто за кружкой.

— Вот, Баррич, — сказал Джейсон как о чем-то само собой разумеющемся. — Вот этот вот щенок теперь будет твой. — И он отвернулся.

Я с интересом наблюдал, как он отломил от темной буханки хлеба горбушку величиной со свой кулак и вытащил из-за пояса нож, чтобы отрезать от круга сыра подходящий кусок. Потом он пихнул все это мне в руки, шагнул к огню и начал отпиливать порцию мяса, способную утолить голод взрослого мужчины. Я не стал тратить времени даром и наполнил рот хлебом и сыром. Человек по имени Баррич рядом со мной опустил кружку и оглянулся на Джейсона.

— Что это? — спросил он почти так же, как принц из теплой комнаты.

У него была такая же буйная шевелюра и борода, но лицо его было узким и угловатым. Кожа обветрена, как у человека, много бывающего на воздухе. Глаза были скорее коричневыми, чем черными, длинные пальцы выглядели сильными и ловкими. Он пах лошадьми, собаками, кровью и кожами.

— Он для тебя, и присматривай за ним, принц Верити велел.

ГЛАВА I. ПРЕДЫСТОРИЯ

— Почему?

— Ну так ты же человек Чивэла, верно? Строишь за его лошадыми, собаками и ястребами?

— Ну?

— Ну так ты возьмешь этого незаконнорожденного к себе, пока Чивэл не вернется и не придумает, чего с ним делать.

Джейсон протянул мне кусок истекающего соком мяса. Я переводил взгляд с хлеба на сыр, не желая расставаться ни с тем ни с другим, но страстно желая мяса. Он помялся, пожал плечами и с грубоватой практичностью воина небрежно бросил кусок на стол рядом со мной. Я запихнул в рот столько хлеба, сколько там поместилось, и передвинулся туда, откуда мог следить за мясом.

— Мальчишка Чивэла?

Джейсон пожал плечами, занятый поисками хлеба, мяса и сыра — теперь уже для себя.

— Так сказал старик, который его сюда приволок. — Он положил на ломоть хлеба сыра и мяса, откусил огромный кусок и потом заговорил с полным ртом: — Сказал, Чивэл пускай радуется, что хоть одного щенка наплодил, и пускай теперь сам его кормит.

Необычайная тишина внезапно воцарилась в кухне. Люди перестали есть, побросали хлебные доски и кружки и повернули головы к человеку, которого называли Барричем. Он сам тоже аккуратно поставил кружку подальше от края стола. Голос его был тихим и ровным, слова обдуманными:

— Если у моего хозяина нет наследника — это воля Эды, а не его вина. Леди Пейшенс всегда была слабой и...

— Так-то оно так, — поспешно согласился Джейсон, — а раз есть этот мальчишка, значит твой хозяин мужчина как мужчина. Вот и все, что я говорил. — Он поспешно вытер рот рукавом. — Уж он так похож на принца Чивэла! И брат его сказал — вот прямо сейчас. Тут уж наследный принц ни при чем, раз его леди младенчика доносить не может...

Но Баррич внезапно встал. Джейсон поспешно отпрянул, потом понял, что ему ничто не угрожает. Баррич же схватил меня за плечи и повернул к огню. Крепко взяв меня за подбородок и подняв мою голову, он испугал меня так, что я выронил хлеб и сыр. Он не обратил на это никакого внимания и стал рассматривать меня, словно географическую карту. Его глаза встретились с моими, и в них появилось нечто вроде ярости, как будто один вид моего лица нанес ему страшное оскорбление. Я пытался отвести взгляд, но он не отпускал меня, так что я смотрел на него сколько мог, потом увидел, что его недовольство внезапно сменилось чем-то вроде неохотного удивления. Наконец он на секунду закрыл глаза, словно ему стало больно.

— Для леди это будет большим испытанием, — промолвил Баррич.

Он отпустил мой подбородок и неловко отступил, чтобы поднять мой хлеб и сыр. Отряхнув их, он вручил мне обратно мой ужин. Я смотрел на плотную повязку на его правой икре и колене, которая не давала ему согнуть ногу. Он снова сел и налил себе чего-то из стоявшего на столе кувшина, потом начал пить, пристально глядя на меня поверх кружки.

— И с кем это его сделал Чивэл? — неосторожно спросил какой-то человек на другом конце стола.

Баррич метнул в его сторону быстрый взгляд, его кружка со стуком опустилась на стол. Некоторое время он молчал, и я почувствовал, что в кухне снова повисла тишина.

— Я бы сказал, что это дело принца Чивэла, а не твое, — процедил он.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился стражник.

Джейсон согласно закивал головой, как пританцовывающий перед подругой петух. Как ни мал я был, но все равно задумался: что же это за человек с забинтованной ногой, который может окоротить полную комнату здоровых мужчин при помощи только слов и взглядов?

— У пацана нет имени, — отважно нарушил молчание Джейсон. — Его звали просто мальчиком.

От этого заявления, по-видимому, все, даже Баррич, потеряли дар речи. Пока все молчали, я доел хлеб, сыр и мясо и даже сделал два-три глотка из кружки, протянутой мне Барричем. Остальные солдаты постепенно покидали комнату группами по двое и по трое, а он все сидел и смотрел на меня.

— Что ж, — сказал он наконец, — насколько я знаю твоего отца, он примет это с честью и сделает то, что должно, но только Эде известно, что он сочтет честным и должным. Вероятно, то, от чего ему будет больнее всего. — Баррич еще некоторое время молча наблюдал за мной, потом спросил: — Ты сыт?

Я кивнул, и он с трудом встал, вытащил меня из-за стола и поставил на ноги.

— Тогда пойдем, Фитц¹, — сказал он и двинулся из кухни к другому коридору.

Перевязанная нога делала его походку немного неуклюжей. Возможно, свое дело сделало и пиво. Мне, конечно, нетрудно было за ним поспевать. Наконец мы подошли к тяжелой двери и привратнику, который кивком пропустил нас, бросив на меня любопытный взгляд.

Снаружи дул холодный ветер. Лед и снег, размякшие за день, с приходом ночи снова затвердели. Под ногами у нас хрустело, а ветер, казалось, пронизывал меня насквозь. Мои ноги немного согрелись у кухонного очага, но штаны не успели высохнуть, и скоро я весь продрог. Помню темноту и ужасную усталость, навалившуюся на меня, когда я тащился вслед за этим странным человеком через холодный темный двор. Спать хотелось до слез. Вокруг чернели высокие толстые стены, по верху которых время от времени двигались стражники — темные тени, которые можно было различить только потому, что они заслоняли звезды. Холод мучил меня, я спотыкался и скользил по ледяной дорожке. Но в Барриче было нечто такое, что не позволяло мне ску-

---

¹ Fitz (англ.) — незаконнорожденный сын, бастард.

лить и просить о снисхождении. Я упорно брел следом за ним. Наконец мы дошли до какого-то здания, и он распахнул тяжелую дверь.

Тепло, запах животных и мутный желтый свет хлынули изнутри. Заспанный конюшенный мальчик сел в своем соломенном гнезде, моргая, словно едва оперившийся птенец. Услышав голос Баррича, он снова улегся, свернувшись в маленький комочек в куче соломы, и закрыл глаза. Мы прошли мимо него, и Баррич запер за нами дверь. Он взял тусклый фонарь, висевший у двери, и повел меня вперед.

Я попал в другой, ночной мир, в котором шевелились и громко дышали в стойлах лошади, где собаки поднимали голову со скрещенных лап, чтобы взглянуть на меня, сверкая в свете фонаря зелеными или желтыми глазами. Лошади беспокойно похрапывали, когда мы проходили мимо их стойл.

— Ястребы там, в дальнем конце, — сказал Баррич, когда мы шли мимо нескончаемого ряда лошадей.

Судя по всему, мне это надо было знать, и я принял его сообщение как должное.

— Побудешь здесь, — сказал он наконец. — По крайней мере первое время. Будь я проклят, если знаю, что еще с тобой делать. Если бы не леди Пейшенс, я бы сказал, что боги славно подшутили над хозяином. Эй, Востронос, подвинься немножко и дай мальчику место на соломе. Вот молодец! Давай прижмись к Рыжей. Она примет тебя и как следует задаст любому, кто захочет тебя побеспокоить.

Я оказался перед просторным отдельным стойлом, в котором спали три собаки. Заслышав голос Баррича, они проснулись, прутики их хвостов заколотили по соломе. Я начал медленно пробираться между ними и улегся рядом со старой сукой с поседевшей мордой и оторванным ухом. Матерый пес смотрел на меня с явным подозрением, но третий был щенок и приветствовал меня, лизнув в ухо, укусив за нос и радостно оцарапав лапами в щенячьем восторге. Я обнял его, чтобы уgomонить, и, последовав совету, устроился

поближе к Рыжей. Баррич набросил на меня плотное одеяло, которое сильно пахло лошадьми. Очень большой серый конь в соседнем стойле внезапно зашевелился, несколько раз ударил копытом по перегородке и свесил голову ко мне, чтобы выяснить причину ночного переполоха. Баррич хлопал его по спине, и конь тут же успокоился.

— На этой заставе всем нам приходится туго. В Оленьем замке тебе больше понравится. А сегодня и здесь тебе будет тепло и безопасно. — Он постоял еще немного, глядя на нас. — Лошадь, собака и ястреб, Чивэл. Я смотрел за ними для вас много лет и делал это хорошо. Но этот ваш парнишка — уж с ним что делать, я не знаю.

Я знал, что он обращается не ко мне. Чуть-чуть высунувшись из-под одеяла, я смотрел, как Баррич снимает с крючка фонарь и идет прочь, что-то ворча себе под нос. Хорошо помню эту первую ночь, тепло собак, колкую солому и даже сон, который наконец пришел, когда щенок свернулся около меня. Я вплыл в его сознание и разделил его смутные сны о бесконечной погоне, преследовании добычи, которой я никогда не видел, но чей горячий запах увлекал меня вперед сквозь заросли крапивы и куманики, а потом — по сыпучей каменной крошке.

После собачьего сна мои воспоминания становятся расплывчатыми, колышутся, как яркие цвета и четкие грани в дурманных грезах. Дни, следовавшие за первой ночью, запечатлелись в моей памяти хуже.

Я вспоминаю последние слякотные дни зимы, когда я изучал путь от моего стойла до кухни. Мне было позволено ходить на кухню и возвращаться обратно, когда захочу. Иногда там бывал повар, который подвешивал мясо на крюке над очагом, замешивал тесто для хлеба или вскрывал бочки с напитками. Чаще же всего на кухне не было никого, тогда я брал все, что оставалось на столе, и щедро делился со щенком, который быстро стал моим постоянным спутником. Мужчины приходили и уходили, ели, пили и рассматривали меня с нескрываемым любопытством, которое

я вскоре научился не замечать. Для меня они все были на одно лицо: одинаковые шерстяные штаны и плащи, крепкие тела и легкие движения. И каждый из них носил одежду с вышитым на груди гербом — изображением оленя в прыжке. От моего присутствия некоторым из них было как-то не по себе. Я уже привык к гулу голосов, поднимавшемуся, как только я покидал кухню. Баррич в эти дни все время был рядом, заботясь обо мне так же, как о животных Чивэла, — я был накормлен, напоен и выгулян, — хотя обычно в качестве прогулки я рысью бегал за ним, пока он делал свою работу. Но эти воспоминания расплывчаты, а детали — такие, как умывание или переодевание, — вероятно, поблекли, поскольку в шесть лет подобные вещи мы считаем обычными и не стоящими внимания. Конечно же, я помню щенка Востроноса. Шерсть его была рыжей, гладкой, короткой и немного щетинистой, она колола меня через одежду, когда по ночам мы устраивались на одной попоне. Глаза у него были зеленые, как медная руда, нос цвета жареной печенки, а пасть и язык пестрые — в розовых и черных пятнах. Если мы с Востроносом не ели на кухне, то проводили время в шуточной борьбе друг с другом во дворе или на соломе в стойле. Таким был мой мир в то время, пока я жил там, куда меня привел старик-пахарь. Наверное, это продолжалось недолго — я не помню, чтобы менялась погода. Все мои воспоминания об этом времени — это сырые дни, снег, ветер и лед, который подтаивал днем, но за ночь снова становился крепким.

Еще одно помню я о том времени, хотя и не очень отчетливо. Скорее, это теплое, слабо окрашенное воспоминание, похожее на старый гобелен, если смотреть на него в полумраке. Как-то я проснулся, разбуженный вертевшейся собакой и желтым светом фонаря, который кто-то держал надо мной. Два человека стояли, склонившись надо мной, но за их спинами виднелся Баррич, и я не испугался.

— Ты его разбудил, — предупредил один из них. Это был принц Верити, человек из теплой комнаты моего первого вечера.

Хобб Р.

X 68 Ученик убийцы. Иллюстрированное издание / Робин Хобб ; пер. с англ. М. Юнгер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. : ил. + вкл. (22 с.).

ISBN 978-5-389-20550-5

Фитц, герой романа, — незаконнорожденный сын наследного принца. Воспитанный слугами, он вырос в темных коридорах королевского замка, не зная ни почета, ни славы. Его ждала дорога убийцы, верно и преданно исполняющего приказы своего короля, а также участь человека, способного своими, может, не очень значительными поступками сдвигать мировые колеса и приводить в движение силы, недоступные пониманию простых людей... Но на то он и Фитц Чивэл Видящий!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

Робин Хобб
Ученик убийцы

И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н О Е
И З Д А Н И Е

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.12.2021. Формат издания 70 × 100^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 43,05 (вкл. вклейку).
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-29427-01-R